

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ЧТО МОГУТ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ"

Алексей Симонов,
Фонд защиты гласности

Нам нужны высокие этические стандарты и высокий профессионализм

Самая, наверное, сложная задача из всех, которые стоят на пути раздевания власти и одевания ее в прозрачные одежды вместо одежд непрозрачных, заключается в том, что у того инструмента, которому общество поручило это раздевание, то есть у прессы, отношение к власти, как к желанной женщине. У него нет профессионального отношения кутюрье или профессионального отношения художника по костюмам. У него взволнованные руки мужчины, который каждый раз это делает, как впервые. Поэтому, на самом деле, взаимоотношения этого уполномоченного института с властью носят, к сожалению, сугубо личный характер. Он не выполняет профессиональную функцию, которую выполнил бы кутюрье или выполнил бы дизайнер по одежде. Я имел счастье присутствовать на показах мод "с изнанки". Когда девочки прибегают переодеваться, ни одной из них даже не приходит в голову думать о тебе в этот момент: она нормально переодевается, снимает ровным счетом столько, сколько ей надо переодеть, и уходит снова на подиум. Вот этих взаимоотношений между властью и прессой не существует, потому что в тот момент, когда власть, забежав за кулисы, стала бы переодеваться, пресса немедленно спряталась бы за какую-нибудь висящую здесь другую одежду, выставила бы фотоаппарат на уровне ниже пояса, и постаралась бы зафиксировать наиболее голый участок тела, который ему из этого угла довелось бы увидеть.

К сожалению, это как раз связано с низким профессионализмом прессы. Почему-то мы все время думаем, что профессионализм прессы – это умение писать. И с этой точки зрения постоянно себя обманываем, потому что в советской прессе было огромное количество журналистов, блистательно, великолепно писавших, писавших так, что, как говорится, никаким американским грязекопателям не снилась такая художественная литература. Сборник очерков некоторых наших публицистов – это сборник великолепной прозы советского времени, стоящей рядом с художественной прозой: скажем, проза Аграновского и проза Тендрякова абсолютно сопоставимы. Или Овечкина, ну, я уж про это даже не говорю. Это абсолютно сопоставимые величины.

Но профессия оказалась не в этом. И попытки сегодня говорить о том, что традиции советской журналистики должны жить, потому что это традиции хорошего написания – попытки напрасные. Ибо в советской журналистике значительно чаще, чем в литературе, содержание и форма соотносились весьма и весьма своеобразно. Когда-то я приводил этот пример, и лучшего, наверное, сейчас не буду придумывать: прелесть советской журналистики заключалась в ее эмоциональности, в этом же заключался, на самом деле, и главный ее недостаток. Будучи начинающим журналистом, в 1958 году вместе с нынешним главным редактором газеты "Век" Александром Колодным я писал вторую свою корреспонденцию в газету "Московский комсомолец". Нам нужно было написать небольшой материал о приезде в Москву студенческих делегаций из Румынии, Чехии и Польши. Что про это имело смысл написать? Что приехали такие-то ребята, были там-то и там-то. Ничего другого на самом деле и не происходило. Но, встав на эти два факта, мы должны были написать

панегирик дружбе народов и тому, как эта дружба реализовывалась в процессе их визита. Значит, встав, как та самая лягушка, на два опорных камушка, мы долго, помогая друг другу, эмоционально надувались, и результат пришел: небольшой очерк под названием "Шел из Москвы автобус" (спасибо, хотя бы сокращенный жестокой рукой редактора) был напечатан в газете "Московский комсомолец", и это был как раз образец той самой эмоциональной журналистики.

Это традиция – когда эмоции заменяют факты. Ну, элементарно: в газете на каждое событие может быть отпущено определенное количество места. Если на этом месте надо разместить сообщения о двенадцати фактах, то это все, что ты можешь успеть. Если на это же место у тебя есть всего два факта, то место остальных десяти фактов должны занять твои рассуждения или твои эмоциональные всплески.

Теперь взгляните на сегодняшнюю журналистику, и что мы с вами видим? Мы с вами видим, что, как правило, журналист оперирует одним–двумя опорными фактами для своих рассуждений, для высказывания своего мнения или для эмоционального окрашивания тех немногих фактов, которые у него для этого дела собраны. Оппонирование собственному мнению журналист фактом не считает. Вот ведь поразительная вещь.

Мы с вами столкнулись с ситуацией, которую разматывать придется очень долго. Мы все думали, что через пропасть можно перескочить в два приема. Оказалось, что это физически невозможно. И все мы оказались в глубине этой пропасти. И теперь надо обратно выкарабкиваться, причем тут тоже есть два варианта: первый – выкарабкиваться на ту сторону обрыва, с которой мы прыгнули, второй – выкарабкиваться на другую сторону. И это, на самом деле, вещь столь принципиально важная, что она стоит обсуждения, она требует размышления о том, как толкать процесс в нужном направлении. Поэтому все, что мы сегодня обсуждаем, это, наверное, все равно чрезвычайно важно и нужно даже в такой, с моей точки зрения, драматической ситуации. Теперь мы с разными формами этой проблемы по очереди сталкиваемся. Сталкивается Дзялошинский, когда проводит свои исследования, сталкиваюсь я, когда провожу свои акции.

На самом деле, мы сталкиваемся с одним и тем же. Мы можем считать это инертностью, мы можем считать это отсутствием гражданской подготовки, отсутствием социальной функции или отсутствием осознания этой социальной функции. Однако давайте скажем так: а много ли не–журналистов осознают свою деятельность как выполнение определенной социальной функции? Кто во власти, кто в депутатстве осознает это как выполнение своей социальной функции? Кто уже настолько вырос, чтобы считать это не только собственным достижением, но исполнением неких обязательств, хотя бы призрачного гражданского долга? Много ли мы нащупаем, нащиплем подобных персонажей в других профессиях или в других ветвях власти? Трагичность ситуации заключается в том, что даже наиболее, казалось бы, чисто формально к этому расположенная судебная власть, самой своей определенной обособленностью социальной функции очень четко вписанная в здание суда, в судебное помещение, в кресло с гербом, свою несменяемость восприняли не как гражданский долг, а как привилегию. Ведь поразительная вещь: по мнению некоторых из них, им дали несменяемость в качестве компенсации за трудности работы.

В 1993 году по случаю выборов был образован информационный трибунал, который затем превратился в Судебную палату. И во время первой встречи с прессой этого информационного суда была одна очень интересная деталь. У нас были гости из зарубежных наблюдательных комитетов, которые приехали наблюдать за выборами – им очень интересен был этот институт, вдруг так неожиданно возникший, и одновременно были журналисты. Это была такая двойная пресс–конференция. И вот

на этой пресс–конференции один из журналистов спросил: "А что, собственно говоря, обеспечивает независимость суждений вашего суда, который весь, поголовно, назначен президентским указом?". На что присутствующая здесь одна из наблюдательниц, американка, сказала: "Простите, господа, но в Америке члены Верховного суда тоже назначаются Президентом. Они назначаются Президентом, но они Президентом не могут быть сняты". И тогда наш лидер Анатолий Борисович Венгеров сказал: "Вот так мы и будем отвечать на вопросы журналистов". Я нахально говорю: "Нет, Анатолий Борисович. Разрешите, я отвечу по–своему: их назначают на полный срок, на вечность, а нас назначили всего на два месяца. Поэтому наша независимость обеспечена тем, что мы не успеем скурвиться". С этого момента судьба моя как судьи была решена навсегда.

Так вот о настоящих судьях: срока "не скурвиться" у них нет, а срока "на вечность" они не знают и не ощущают. И мало того, они начинают – с этой проблемой я сталкиваюсь постоянно – защищать свою некритуемость с помощью собственного суда, используемого как инструмент. У нас в мониторинге десятки случаев подачи исков судьями на журналистов, выразивших сомнение в справедливости судебного приговора. То есть совершенно перевернутое сознание. Честь и достоинство судьи поддерживаются отсутствием критического отношения к его решению. Я говорю то, что всем и так понятно. Просто у меня ракурс немножко другой.

Мы все вместе и каждый в отдельности должны как зарядкой заниматься тем самым, чему учил интеллигентов Антон Павлович Чехов – выжимать из себя раба. Вытравливать из себя раба – процесс, который не должен был приостановиться с установлением всеобщей свободы. Но заниматься этим никто не хочет. Оказалось, что наличие внешней свободы никоим образом не избавляет от внутреннего рабства. И это в равной степени относится и к средствам массовой информации, и ко всем категориям их оппонентов. Поэтому, с точки зрения проблемы открытости власти, возвращаясь к ее, скажем так, интимным подробностям, у меня возникло два ощущения. С одной стороны, я считаю, что просто есть время, внутри которого надо увеличивать критическую массу честности, долженствования долга, каких–то минимальных вещей, которые каждый в отдельности имеет возможность увеличивать собственным опытом и собственным примером. Но есть и второе. Я не могу сегодня, положив руку на сердце, сказать, что я знаю, как отличить волков от козлиц. За исключением категории журналистов, отчетливо – лично для меня – кормящихся падалью, то есть журналистов–канализаторов, журналистов, которые представляют из себя трубу для сброса нечистот из спецслужб.

Это отдельная профессия внутри журналистской корпорации, причем время от времени она совершенно неожиданно сама себя проявляет. Меня на одном заседании спросили: "Ну, и Вы что, назовете их по именам?". Я говорю: "Я даже не буду называть их по именам. Я вам просто назову дату. 18 декабря во всех российских газетах были опубликованы панегирики по поводу восьмидесятилетия КГБ–НКВД–ФСБ. Вот прочитайте все панегирики, а все подписи можете собрать на листочке. Дальше можете больше ничего не читать, потому что человек, который в этой стране, с ее историческим опытом в состоянии праздновать восьмидесятилетие тайной полиции, которая руководила этим государством и пытается руководить им еще и сейчас, должен быть особым человеком. Просто надо составить список, чтобы ясно было, кого не читать".

Но самое трогательное, что это происходило 18–го, как вы помните, в тот самый день, когда взяли заложника у шведского посольства. И все начальство этого замечательного органа в полном составе приехало руководить его освобождением, в результате чего убиты были все, к счастью, кроме шведского заложника. А вот дальше смотрите, какая интересная штука. Два журналиста "Собеседника" раскрутили эту историю и выяснили,

например, что до сих пор не установлено, тем ли лицом был взятый заложника террорист, какое было названо. Что террориста похоронили тайно, не дав опознать его труп. Что каким образом он убит, так следствие и не знает. Что все следствие вели те же самые лица, которые убили своего собственного полковника Савельева, который подменил там заложника. Что полковник Савельев не был дежурным офицером в этот день. И т.д. и тому подобное. То есть там еще целый детективный сюжет. И вот тут я говорю: "Значит, они добрались до интимного места этой власти". И я их всячески благословляю.

На самом деле, мы не можем сегодня сделать серьезного различия между журналистским расследованием и публикацией компроматов. Даже в публикации компромата есть отдельный ракурс, и он абсолютно понятен нам, людям, прожившим в этой стране много лет. Например, закрывают следствие по "позвоночному" делу. И следователь, честный следователь, который не хочет, чтобы это дело было закрыто, дает утечку информации в печать для того, чтобы хоть таким способом, через публичность отстоять свою возможность наказать виновного или добиться хоть какой-то справедливости в этом деле. И это точно такая же утечка, технологической разницы нет. Нравственная есть разница, а технологической нет. А нравственные границы размыты. Мы с вами живем в условиях дикой размытости нравственных границ. Мы много лет с Юрием Казаковым на эту тему уже мучаемся. Этика профессии. Ведь, на самом деле, степень открытости или степень доступа зачастую определяются степенью этичности того, кто этот доступ имеет. Казалось бы формула простая, как мычание. Но нет этой этической грани, она стерлась. На сегодняшний день редко где есть в средствах массовой информации некая линия. Я вот знаю, что есть несколько газет в Москве, в которых человек, пойманный на скрытой рекламе, будет уволен в 24 часа. И такие уволенные есть. Знаю такие две-три газеты. Но я точно так же знаю, что эти две-три газеты являются уникалом. А кроме того, с точки зрения права, то, что они делают, – это самосуд. Я к тому говорю, что мы не можем в этом вареве найти нравственные координаты, кроме тех десяти заповедей, которые лежат вне нашей повседневности, которые все равно остаются. Это говорю я, человек, абсолютно лишенный какой бы то ни было религиозности: иудейской, православной, католической. Но ни одного инструмента и ни одного института, которые реально сегодня апеллировали бы к этим нравственным основам, практически нет. Даже церковь к ним, как мы знаем с вами, к сожалению, не апеллирует. Поэтому, чем дольше я на эти темы выступаю, тем более трагическим выглядит то, что я говорю. То есть – нет перспективы. Но одновременно с этим я хочу сказать, что вообще вокруг журналистики вырастает новое поколение. Почему-то это трезвое, неполитизированное, несколько циничное, но очень пристрастное к фактам поколение меньше всего склонно реализовать себя в журналистике. В журналистике по-прежнему реализуют себя либо романтики, либо циники. Примеры анкетирования первокурсников свидетельствуют, что одни приходят бороться, другие зарабатывать деньги. Третьего почти не существует. То есть того, о чем мы сегодня говорим: стремления выполнять гражданский долг перед обществом, необходимости сделать для граждан понятной и осмысленной возможность принятия решений и т.д. Всего этого, на самом деле, как задачи не существует. И даже Ясен Николаевич Засурский, которого я глубочайшим образом уважаю, ничего не может сделать, потому что ни состав книг, ни состав преподавателей не стимулируют выработки в будущих журналистах этого отношения к профессии. И завершая эту эскападу, хочу сказать: чтобы вести журналистику, подталкивать ее к выполнению ее функций в гражданском обществе, необходимо больше встречаться с молодыми журналистами. Возможности такие есть. На самом деле, они при всех своих недостатках, люди с достаточно открытыми ушами. В принципе, надо потихоньку искать возможность, создавать новое поколение журналистики. Все вы мне скажете: "И зачем же мы тогда собрались?". А я отвечаю: "С моей точки зрения, для того, чтобы подумать, как это лучше сделать".

Вопросы и ответы

– Ваш Фонд защиты гласности проводил мониторинг и выявил, что в 1997 году правонарушений в области средств массовой информации стало в 2 раза больше, чем в 1996 году. С чем это связано?

– Во–первых, стали лучше работать наши региональные центры. Они стали больше собирать информации. У нас появилось еще два центра. Более того, возникают региональные сети. Скажем, Воронежский центр создает региональную сеть на шесть областей. Сейчас такую же сеть пытается создать Красноярск. Значит, увеличится количество информации. Во–вторых, с каждым годом журналисты лучше понимают, зачем мы собираем эту информацию. В–третьих, дело не в количестве – я не думаю, что на самом деле 1997 год в такой степени отличается от 1996–го. Скорее, мы можем говорить об изменении структуры этих конфликтов. Поэтому сам рост количества информации не свидетельствует о неблагополучии, а вот изменение структуры внутри этого роста – вот там очень много интересного.

– О чем говорит рост исков к средствам массовой информации?

– Это говорит о том, что подача исков о защите чести и достоинства стала одним из очень хорошо освоенных инструментов наезда на прессу. Просматриваются определенные технологии. Например, одна из технологий совершенно фантастическая. Человек, обвиненный средством массовой информации в совершении неких преступлений, скажем, тянущих на определенные статьи Уголовного кодекса, находит в описании несколько ошибочных, не касающихся сути дела деталей, и подает иск о защите чести и достоинства, то есть о публикации непроверенной информации и публикации, которая наносит ему моральный ущерб. Выигрывает дело и тем самым практически закрывает возможность прокуратуре возбудить дело по фактам и судить его в том же суде за реальные уголовные преступления, которые там перечислены. Другая технология – это отходные бои. Огромное количество исков поступает от проигравших выборы кандидатов. В России в тех условиях, в которых происходят эти состязания, проигравший не получает ничего. Это у Хемингуэя хорошо – победитель не получает ничего, а здесь проигравший не получает ничего. Единственное, что он может, чтобы остаться на поверхности, он начинает подавать иски на несправедливость средств массовой информации в период избирательной кампании. В период избирательной кампании он на них жалоб не подавал, хотя там сокращенное производство и т.д., ему было некогда, он был занят, он надеялся выиграть... Это вторая технология. Есть еще.

Сейчас мы готовим представление в Генеральную прокуратуру по конфликтам прессы и прокуратуры. Есть огромное количество заявлений от прокуратур о защите чести и достоинства. Но если 23 прокурора пишут о защите чести и достоинства их городской прокуратуры в городе Череповце, то это значит 23 прокурорских работника не знают российских законов. Поразительно, но, тем не менее, так.

– Маленькое предложение, которое может инициировать Фонд защиты гласности. Человек предъявляет иск о защите чести и достоинства и пишет: "Прошу возместить моральный ущерб 200 (300, 500 – как Бог на душу положил) миллионов рублей". Когда он проигрывает это дело и ничего не получает, то вторая сторона – журналисты, редакция – уходит с одним моральным сознанием своей победы. Я предлагаю такую идею: если проигрывает подавший иск о защите чести и достоинства, то чтобы сумму морального ущерба, которую он просил взыскать, взыскивали с него как со стороны, необоснованно обратившейся в суд.

– Во–первых, мы довольно давно пытались ввести хотя бы 10–процентный залог. Во–вторых, есть опыт, который хотелось бы распространить. Здесь же в заседании представитель ответчика – журналиста подает иск о защите чести и достоинства на то, что его обвинили необоснованно и это подтверждено решением суда, с уже доказанным только что внесенным решением.

